

International Congress on Economics, Management and Business Studies
Hosted Online from New York, USA
Date: 23rd November, 2026
Website: https://econferencia.com

ИМЕНА И ОБРАЗЫ ЖИВОТНЫХ В РУССКОЙ И УЗБЕКСКОЙ ПРОЗЕ: КОГНИТИВНО-НАРРАТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЧЕТЫРЁХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Пулатова Наргиза Негматовна
Самаркандский государственный педагогический институт, преподаватель

Аннотация
Цель статьи — выявить, каким образом собственные имена животных и связанные с ними образы организуют повествовательную перспективу, отношения персонажей и ценностные конфликты в четырёх произведениях русской и узбекской прозы: «Каштанка» А. П. Чехова, «Собачье сердце» М. А. Булгакова, «От кишнаган оқшом» Тогая Мурода и «Қоракўз мажнун» Саида Ахмада. Применены контекстуальный анализ, сопоставительное чтение эпизодов и разграничение ономастической номинации, антропоморфизации и метафорического переноса. На материале конкретных эпизодов охарактеризованы четыре конфигурации: переименование как смена социальной роли; переход к антропониму в сатирическом сюжете; родственное обращение к животному; нравственный контраст между верностью животного и отчуждением человека. Показано, что эти механизмы нельзя свести к единой схеме «ЖИВОТНОЕ → ЧЕЛОВЕК». Выводы относятся к отобранному корпусу и не претендуют на статистическое описание национальных литератур.

Ключевые слова: литературная зоонимия, анималистический образ, когнитивная метафора, нарратив, фокализация, антропоморфизация, аксиология, сравнительное литературоведение, русская проза, узбекская проза.

International Congress on Economics, Management and Business Studies
Hosted Online from New York, USA
Date: 23rd November, 2026
Website: https://econferencia.com

HAYVONLARGA BERILGAN NOMLAR VA OBRAZLAR RUS HAMDA O‘ZBEK NASRIDA: TO‘RT ASARNING KOGNITIV-NARRATOLOGIK TAHLILI

Annotatsiya
Maqolada A. P. Chexovning «Kashtanka», M. A. Bulgakovning «It yuragi», Tog‘ay Murodning «Ot kishnagan oqshom» va Said Ahmadning «Qorako‘z majnun» asarlari misolida hayvonlarning atoqli nomlari hamda badiiy obrazlari qanday narrativ vazifa bajarishi qiyosiy o‘rganiladi. Kontekstual tahlil orqali qayta nomlash, hayvon nomining inson familiyasiga aylanishi, hayvonga qarindosh sifatida murojaat qilish hamda inson va hayvon xulqini axloqiy qiyoslash mexanizmlari ajratiladi. Natijalar barcha holatlarni «HAYVON → INSON» metaforasi bilan izohlash yetarli emasligini ko‘rsatadi. Xulosalar faqat tanlangan to‘rtta asarga taalluqlidir.

Kalit so‘zlar: badiiy zoonimiya, hayvon obrazi, kognitiv metafora, narrativ, fokalizatsiya, antropomorfizatsiya, aksiologiya, qiyosiy adabiyotshunoslik.

ANIMAL NAMES AND IMAGERY IN RUSSIAN AND UZBEK PROSE: A COGNITIVE-NARRATOLOGICAL ANALYSIS OF FOUR WORKS

Abstract
This article examines how proper names and images of animals shape narrative perspective, character relationships, and value conflicts in four prose works: Anton Chekhov’s Kashtanka, Mikhail Bulgakov’s Heart of a Dog, Togay Murod’s Ot kishnagan oqshom, and Said Ahmad’s Qorako‘z majnun. Through contextual close reading and a comparative analysis of selected episodes, the

study distinguishes proper-name nomination, anthropomorphization, and conceptual metaphor. Four local configurations are identified: renaming as a shift of social role, the transformation of an animal name into a human surname, kinship address to a horse, and a moral contrast between an animal's loyalty and a person's estrangement. These configurations cannot be reduced to a universal ANIMAL → HUMAN mapping. The conclusions are qualitative and apply only to the four selected works.

Keywords: literary zoonymy, animal imagery, conceptual metaphor, narrative, focalization, anthropomorphization, axiology, comparative literature.

ВВЕДЕНИЕ

Названия животных и их индивидуальные имена в художественном повествовании могут выполнять разные задачи: обозначать участника действия, задавать точку зрения, выражать отношения персонажей и становиться опорой нравственного конфликта. Однако между называнием животного и метафорическим переносом его признаков на человека нет обязательного тождества. Поэтому сравнительное исследование целесообразно строить не на перечне устойчивых ассоциаций («собака — верность», «конь — свобода»), а на наблюдаемых механизмах конкретного текста.

В предыдущих работах мною были рассмотрены поэтика зоонимов и их семантико-стилистические возможности на русско-узбекском материале [1; 2]. В частности, в публикации 2026 г. предложена трёхканальная схема: семантическое накопление, активация культурного кода и текстовая функционализация [2]. Настоящая работа не представляет эту схему повторно как новое открытие. Её самостоятельная задача — показать,

какими текстовыми признаками можно подтвердить различные повествовательные функции именно в прозе, где имя животного связано с действием, речью и изменением отношений персонажей.

Проблемный вопрос формулируется следующим образом: совпадают ли механизмы осмысления животного в случаях, когда повествование ведётся близко к его восприятию, когда животное становится человеком, когда ему приписывают родственный статус и когда его поведение сопоставляют с поступками человека? Рабочее предположение состоит в том, что нарративный эффект определяется не видом животного сам по себе, а сочетанием именования, перспективы, отношений и места образа в развитии конфликта.

Цель исследования — сопоставить эти механизмы в четырёх произведениях. Объектом выступают эпизоды с индивидуально названными животными и связанная с ними образная система. Предмет — соотношение номинации, фокализации, образного переноса и аксиологической функции. Научно-практическое значение предлагаемого анализа заключается в проверяемой процедуре чтения конкретных эпизодов, а не в утверждении универсальной модели всей русской и узбекской литературы.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ТЕРМИНОЛОГИЯ

В строгом ономастическом употреблении зооним — индивидуальное имя животного (кличка), а нарицательные слова «собака», «конь», «ит», «от» являются обозначениями представителей фауны. Необходимость разграничения этих классов обоснована в современной работе Е. Н. Варниковой [3]. В статье термин «зооним» применяется прежде всего к именам «Каштанка», «Тётка», «Шарик», «Тарлон», «Қоракўз»; более

широкие художественные характеристики называются «анималистическими образами». Имя Бўрихон рассматривается отдельно как антропоним, содержащий формально различимый компонент «бўри» («волк»), а не как зооним.

Понятийно различаются три процесса. Антропоморфизация предполагает наделение животного человеческими речевыми, эмоциональными либо социальными чертами. Зооморфизация — перенос приписываемых животным свойств на человека или иной объект. Концептуальная метафора объясняет систематический переход между областями опыта; её теория разработана Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [4]. Вместе с тем не всякое художественное упоминание животного образует перенос типа «ЖИВОТНОЕ → ЧЕЛОВЕК»: текст может представлять животное самостоятельным воспринимающим существом или моральным участником конфликта, не превращая его в замену человеческого персонажа.

Для характеристики повествовательного доступа к миру персонажа используется понятие фокализации — то есть организации того, кто и в каких пределах воспринимает описываемые события [5]. Семантическая близость зооморфных метафор и сравнений описана С. Б. Козинцом [6], однако выявленные в лексике переносы не следует автоматически считать доказанными функциями целого художественного произведения.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материал образуют четыре конкретных текста: рассказ А. П. Чехова «Каштанка» (1887), повесть М. А. Булгакова «Собачье сердце» (1925), повесть Тогая Мурода «От кишнаган оқшом» (1979) и рассказ Саида Ахмада «Қоракўз мажнун» (1999) [7–10]. Для русских текстов

использованы доступные электронные публикации, сверяемые с указанными в них редакционными сведениями; для «От кишнаган оқшом» — постраничный электронный текст (2008), для «Қоракўз мажнун» — полная электронная публикация. Различия между авторскими датами создания и датами использованных электронных копий не смешиваются.

Выборка целевая: в каждом произведении присутствует индивидуально именованное животное, но его сюжетная роль организована по-разному. Отобранные произведения представляют два литературных контекста и не образуют случайную либо статистически репрезентативную совокупность. Поэтому никакие частотные выводы о «преобладании» определённых животных или функций в национальных литературах здесь не делаются.

Процедура качественного анализа включает пять последовательных вопросов: (1) кто даёт животному имя и меняется ли оно; (2) через чьё восприятие раскрывается значимый эпизод; (3) выражен ли образный перенос и каково его направление; (4) какие человеческие отношения моделируются через участие животного; (5) в каком сюжетном узле образ приобретает ценностную нагрузку. Для каждого произведения сопоставлены как минимум два взаимосвязанных эпизода, после чего сформирована сводная таблица. В качестве подтверждений используются события, обращения и краткие фрагменты исходных текстов с указанием глав или страниц. Интерпретации не выдаются за количественно проверенные закономерности.

Сопоставление выполнено преимущественно на уровне функций, а не прямого буквального перевода. Межъязыковые трансформации переводов произведений не анализировались: без параллельного корпуса переводов выводить их устойчивые закономерности было бы методологически некорректно.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. А. П. Чехов: двойное именование и конкурирующие модели принадлежности

В рассказе «Каштанка» героиня сначала оказывается вне привычного дома; читатель наблюдает город и незнакомых людей преимущественно через ограниченный опыт собаки. Повествователь передаёт её реакции, запаховые ассоциации, страх и голод, временами иронически сближая животное понимание с человеческими категориями. Так, Каштанка условно делит людей на хозяев и заказчиков; это не подтверждение «психотипа маленького человека», а художественное изображение того, как она усваивает иерархию собственного мира [7, гл. I].

Во втором пространстве собака получает новую кличку «Тётка». Наречение осуществляется новым хозяином, который включает её в систему циркового представления: у него уже есть животные с человеческими именами — кот Фёдор Тимофеич и гусь Иван Иваныч. Переименование здесь функционально: оно маркирует появление роли, дисциплины и иной формы заботы. При этом новый хозяин кормит и не бьёт собаку, тогда как воспоминания о прежней семье включают грубость и жестокие детские игры [7, гл. II–III]. Следовательно, конфликт не укладывается в схему «добрый старый дом — плохой новый дом».

В кульминации выступления из зала звучит забытое имя «Каштанка»; героиня узнаёт прежних хозяев и стремится к ним [7, гл. VII]. Звуковое возвращение имени становится композиционным механизмом узнавания и резкого изменения действия. В отличие от неизменного символа верности, здесь работает напряжение между памятью о принадлежности и более благоприятным настоящим. Поэтому двойное именование следует определить как нарративную ось изменения и восстановления

идентичности, а не как самостоятельную метафору переноса «собака → человек».

2. М. А. Булгаков: от клички «Шарик» к институциональному имени «Шариков»

Повесть «Собачье сердце» открывается восприятием бездомного пса. Его внутренние реакции, бытовые наблюдения и эмоционально насыщенные оценки организуют исходную дистанцию между читателем и социальным миром. На раннем этапе Шарик показан страдающим существом, способным различать заботу и угрозу; автор не отождествляет собачью природу с нравственной неполноценностью [8, гл. I–II].

После операции возникает Полиграф Полиграфович Шариков. Переход от клички «Шарик» к фамилии «Шариков» наглядно выражает смену статуса: персонаж получает документы, речь, социальные притязания и место в административной иерархии. В девятой главе его служебное положение подтверждается документом о назначении заведующим подотделом очистки Москвы от бродячих животных [8, гл. IX]. Этот сюжетный факт важнее абстрактного утверждения о «звериных» чертах: институциональное признание не гарантирует моральной ответственности. Сатирический эффект строится на расхождении юридически оформленного человеческого статуса и поведенческой несостоятельности нового субъекта. Поэтому центральный механизм не просто «ЖИВОТНОЕ → ЧЕЛОВЕК», а критическое испытание самой границы между биологическим превращением, социальным наименованием и человеческой этикой. Повествование не позволяет считать Шарикова логическим продолжением «плохого животного»: отрицательная оценка связана с действиями персонажа и устройством социального эксперимента, а не с видом исходного существа.

3. Тогай Мурод: Тарлон и родственный язык доверия

В повести «От кишнаган оқшом» повествование связано с жизнью Зиёдуллы-чавандоза и его коня Тарлона. В авторской речи и обращениях повествователя повторяются интонации доверительного разговора с читателем, а образ коня выстраивается через уход, подготовку к скачкам, телесную близость и совместно пережитые события. Герой характеризует способность животного чувствовать приближение погоды и праздничных событий; утверждение о «знании» коня принадлежит голосу рассказчика и образует часть его мировосприятия [9, с. 12].

Наиболее показательна завершающая серия обращений к коню. Зиёдулла многократно называет Тарлона младшим братом, племянником, старшим братом и товарищем: «Менинг укам сенсан» («Ты мой младший брат»); в дальнейшем тот же адресат включается в другие формы родства [9, с. 69; подстрочный перевод наш]. Перечень родственных ролей не устанавливает «реальное» родство, но раскрывает нравственную и эмоциональную иерархию героя. Там, где человеческие отношения переживаются как ненадёжные, конь становится адресатом доверия и свидетелем травматического опыта.

Нарративная функция образа Тарлона связана не с передачей свойства животного человеку, а с обратным движением: человеческий язык родства переносится на животное. Следовательно, здесь уместнее говорить о речевой антропоморфизации и персонализации, чем о единственном типе метафоры «ЖИВОТНОЕ → ЧЕЛОВЕК». Этнокультурный контекст коневодства и кўпкари значим для осмысления эпизодов, но вывод ограничен поэтикой данной повести; обобщения обо всей узбекской прозе потребовали бы более широкого материала.

4. Саид Ахмад: Қоракўз и нравственный контраст человеческой отчуждённости и животной привязанности

В рассказе «Қоракўз мажнун» центральным животным является собака Қоракўз, а не заяц, как ошибочно указывалось в раннем варианте анализируемой статьи. Собака постоянно находится рядом с пожилой Саодат ая и проявляет привязанность, которой ей недостаёт в отношениях с частью близких. В частности, героиня вспоминает, что во время её пребывания в больнице собака долго ожидала её под окном, тогда как родственники навещали её редко [10]. Этот эпизод вводит ось сравнения, но не требует зооморфизации человеческих персонажей.

Другая линия связана с сыном Бўрихоном, долгие годы жившим вдали от матери. Автор противопоставляет ожидание Саодат ая поведению вернувшегося сына, утратившего внутреннюю связь с домом и языком близких. Важно, что имя «Бўрихон» — антропоним, а не кличка; его компонент «бўри» может быть замечен исследователем, но сам по себе не доказывает, что герой должен толковаться как «волк» в переносном смысле. Здесь доказательнее нравственный контраст поступков, чем умозаключение из формы имени [10].

В финале после смерти Саодат ая собака слышит её голос в магнитофонной записи, пытается приблизиться к источнику звука и гибнет от выстрела раздражённого жителя дома. Продолжающее звучать обращение хозяйки к Қоракўз усиливает трагический эффект временного разрыва между любовью и её невозвратностью [10]. Сопоставление эпизодов ожидания, возвращения сына и финальной гибели позволяет описать образ собаки как композиционный и нравственный центр рассказа. Его функция возникает из отношений и последовательности событий, а не из готовой словарной формулы «собака — верность».

СОПОСТАВЛЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Сводная матрица фиксирует различия без подмены интерпретации статистической классификацией. Она показывает, какой текстовый признак поддерживает каждую функцию и каков предел соответствующего вывода.

Произведение / имя	**Наблюдаемый механизм**	**Опорный эпизод**	**Локальная функция образа**
А. П. Чехов «Каштанка» / «Тётка»	Переименование и возвращение прежней клички	Новая кличка в цирке; узнавание по имени в финале	Имя обозначает смену социального пространства и запускает сюжетное возвращение.
М. А. Булгаков «Шарик» / «Шариков»	Превращение клички в социально оформленную фамилию	Документы и назначение Шарикова на должность	Разрыв между формальным статусом человека и нравственной ответственностью.
Тогай Мурод «Тарлон»	Обращение к животному как к родственнику	Ряд родственных номинаций в заключительном монологе	Конь становится адресатом доверия и символическим участником человеческих отношений.
Саид Ахмад «Қоракўз»	Контраст поступков и сюжетная роль голоса	Ожидание хозяйки; магнитофонная запись и гибель собаки	Через привязанность животного обнажается проблема отчуждения и утраты связи.

Таблица 1. Сопоставление функций индивидуально названных животных в четырёх произведениях.

ОБСУЖДЕНИЕ

Первый сравнительный результат состоит в том, что наличие индивидуального имени не определяет единственной художественной функции. В «Каштанке» имя меняется вместе с социальной ролью и

возвращает героиню в прежний мир; в «Собачьем сердце» производная от клички фамилия участвует в критике формального конструирования человека; у Тогая Мурода неизменное имя позволяет разворачивать ряд эмоционально значимых обращений; у Саида Ахмада устойчивое имя и звук голоса сохраняют связь с отсутствующей хозяйкой. Во всех четырёх случаях проверяемые сюжетные узлы значимее абстрактной «семантики собаки» или «семантики коня».

Второй результат касается направления образного переноса. В булгаковском сюжете антропоморфизация и физиологическое превращение соединяются с сатирой социального статуса; у Тогая Мурода человеческие родственные категории адресуются коню; у Чехова сознание животного художественно реконструируется, не превращаясь в устойчивую аналогию человеческого характера; у Саида Ахмада нравственная оценка строится преимущественно на контрасте действий человека и животного. Таким образом, общая схема «ЖИВОТНОЕ → ЧЕЛОВЕК» охватывает только часть материала и не может выступать универсальным объяснением.

Третий результат уточняет характер русско-узбекского сопоставления. Образ собаки обнаружен по обе стороны сравнения: у Чехова, Булгакова и Саида Ахмада; поэтому противопоставление «русская проза — собака, узбекская проза — конь» эмпирически не подтверждается. Различие проходит не столько между языками, сколько между локальными повествовательными решениями: переименование, юридико-социальная трансформация, родственное обращение и трагический контраст. Этнокультурные компоненты — цирковая среда, городская институциональная жизнь, культура чавандозов, семейно-общинные отношения — следует изучать как контексты конкретных произведений, а не как заранее заданные неизменные свойства литературы.

Наконец, сравнение позволяет выделить общую этическую проблему: человеческий статус и способность к заботе не совпадают автоматически. Однако выражается она по-разному: памятью и привязанностью Каштанки, сатирическим парадоксом Шарикова, доверительным родственным обращением к Тарлону, верностью Қоракўз. Это аналитическое обобщение основано на выбранных сценах и не отменяет иных возможных интерпретаций сюжетов.

ОГРАНИЧЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Исследование представляет качественное сравнительное чтение четырёх произведений; в нём не проводились сплошная разметка всех анималистических единиц, подсчёт частот, независимая межэкспертная проверка кодировки и сопоставление опубликованных переводов. Поэтому термины «модель» и «матрица» употребляются только в значении открытой аналитической процедуры и сводной таблицы, а не в значении статистически подтверждённой закономерности. Для дальнейшей работы требуется корпус большего объёма с едиными критериями отбора, фиксацией всех случаев переименования и прямого обращения, а также с раздельной оценкой авторской речи, речи героя и позиции повествователя.

ВЫВОДЫ

1. В пределах исследованного корпуса имена животных обладают собственными композиционными функциями: могут маркировать смену социальной роли, служить основой нового антропонима, поддерживать родственное обращение или сохранять эмоциональную связь с отсутствующим человеком.

2. Антропоморфизация, зооморфизация и метафорическое проецирование не тождественны. Направление образного переноса необходимо устанавливать по конкретному эпизоду, а не выводить из самого факта присутствия животного в тексте.

3. В «Каштанке» повествовательный эффект создаётся конфликтом двух именований; в «Собачьем сердце» — расхождением официального имени и нравственной ответственности; в «От кишнаган оқшом» — расширением родственной речи на коня; в «Қоракўз мажнун» — противопоставлением человеческого отчуждения и животной привязанности, усиленным финальной записью голоса.

4. Материал не подтверждает жёсткого противопоставления образных доминант русской и узбекской прозы по виду животного. Предметом сравнительного анализа должны быть контекстуальные функции, а не национальные стереотипы.

5. Самостоятельный результат настоящей работы по отношению к прежним публикациям автора [1; 2] — эпизодический анализ четырёх конкретных прозаических сюжетов с разграничением статуса имени, точки зрения, направления переноса и нарративного эффекта. Обобщения ограничиваются исследованными текстами и нуждаются в дальнейшей проверке на расширенном корпусе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пулатова Н. Н. Badiiy asarlarda zoonimlar poetikasi: insoniy xislatlar talqini (rus va uzbek tili misolida) // ACTA NUUz. 2025. Т. 1, № 1.6.1. С. 257–259. DOI: 10.69617/nuuz.v1i1.6.1.8245. URL: https://journals.nuu.uz/index.php/actanuuz/article/view/8245.

2. Пулатова Н. Н. Badiiy asarlarda zoonimlar poetikasining semantik va stilistik xususiyatlari (rus va uzbek tili misolida) // Ijtimoiy-gumanitar sohada ilmiy-innovatsion tadqiqotlar. 2026. Т. 3, № 4. С. 547–555. URL: https://publishscience.uz/sirsh/article/view/1093.

3. Варникова Е. Н. О зоонимической терминологии // Вопросы ономастики. 2026. Т. 23, № 1. С. 74–98. DOI: 10.15826/vopr_onom.2026.23.1.003.

4. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

5. Genette G. Narrative Discourse: An Essay in Method / transl. J. E. Lewin. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1980. 285 p.

6. Козинец С. Б. Зоонимы в образном пространстве языка: метафора, сравнение, фразеологизм // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 254–260. DOI: 10.18500/1817-7115-2022-22-3-254-260.

7. Чехов А. П. Каштанка // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 6. М.: Наука, 1976. С. 430–449. Электронная публикация: https://ru.wikisource.org/wiki/Каштанка_(Чехов).

8. Булгаков М. А. Собачье сердце: повесть (написана в 1925 г.) // Михаил Булгаков: жизнь и творчество писателя [электронный текст, главы I–IX и эпилог]. URL: https://m-bulgakov.ru/sochineniya/sobache-serdce/.

9. Тоғай Мурод. От кишнаган оқшом: қисса (1979). Электронная публикация «Ziyouz.com кутубхонаси», 2008. 69 с. URL: https://qr.natlib.uz/file/get/b825ec98-8099-4f58-a669-d7c113e7d9ed.pdf?id=812.

10. Саид Аҳмад. Қоракўз мажнун: ҳикоя (1999) // Ziyouz.uz [электронный текст]. URL: https://ziyouz.uz/ozbek-nasri/said-ahmad/said-ahmad-qorakoz-majnun-hikoya/.